ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

НЕЖИВОЙ СВИДЕТЕЛЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Неживой свидетель / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия).

ISBN 978-5-04-241251-6

При ограблении промышленного склада убит сторож Иван Нефедов. Оперативники предполагают, что нападение совершили подростки, подражающие вышедшим по амнистии уголовникам. Решили развлечься, но, как на грех, наткнулись на сторожа... Однако майора МУРа Олега Бурцева смущают два странных обстоятельства. Первое: сразу после убийства был замечен грузовой автомобиль с поддельными номерами, который мчался с нарушением правил в районе происшествия. И второе: ограбление было совершено за день до отправки на переплавку большой партии складского металлолома. В течение следующих двух недель происходят еще три ограбления складов с похожим почерком. Теперь майор Бурцев уверен, что имеет дело с опытными бандитами, тщательно планирующими свои преступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-241251-6

Глава 1

Напротив майора Олега Бурцева сидел щупленький, невысокий человечек с толстым носом картошкой и толстыми губами, нелепыми для субъекта столь тщедушной комплекции и словно позаимствованными у кого-то другого. Может, и впрямь стащил нос с ушами у какого-то здоровенного, упитанного мясника? А что, скажи кто-нибудь Олегу Васильевичу, что подозреваемый способен украсть чужое лицо и нацепить на себя, — не удивился бы ни на секундочку. Потому что Генка Демьянов был прирожденным вором и воровал всю свою жизнь, видимо, с тех самых пор, как ходить научился. Ему еще и тридцати нет, да и работал он по мелочовке, но уже пользовался некоторой известностью в криминальном мире, заполучив кличку Пятиалтынный.

Брали Генку трижды, сейчас вот четвертый раз посещает он Петровку, 38. Ведет себя уверенно, с легкой фамильярностью — на правах старого знакомца. Но при этом границ не переходит, говорит без вызова и бравады. Сознается в содеянном как на

духу, не юлит. Умен и ловок Пятиалтынный. Живет по принципу «не пойман — не вор». Если же поймали и прижали доказательствами, не отнекивается, на невиновности не настаивает, излагает все обстоятельства кражи. Как-то раз совсем пустяковый случай был. В МУРе знали, что кража, но доказать могли лишь мелкое хулиганство; но Генка сразу пошел на сотрудничество с угрозыском.

Причина не в особой порядочности этого хитрого, вертлявого и суетного человечка, как можно подумать. Причина иная. Всякий раз рецидивиста брали на сущих пустяках, поэтому серьезного срока впаять не получалось. Ради того и каялся Демьянов, что боялся: начнет отпираться — опера примутся глубже копать, разнюхают про другие его грешки, и по совокупности преступлений срок выйдет приличный. Ясен день, чем пятерку схлопотать, лучше загреметь на полгодика-год, а то и вовсе принудительными работами отделаться.

Вот и на этот раз повязали Пятиалтынного за кражу — смешно сказать! — двух баночек с белилами.

— Что скажете, Геннадий Семенович? Свидетель колеблется, тут вы правы. Зато лаборатория наша запросто докажет, что краску именно вы взяли. Белые пятнышки на вашей куртке полностью совпадут по химическому составу с похищенными белилами.

— Наука! — уважительно протянул Генка, покачивая головой.

— Наука, как вы верно заметили, — согласился майор Бурцев.

— Ваша наука, поди, по куче навоза на улице кобылу отыскать поможет, чтоб за решетку отправить, а? — рискнул слегка пошутить вор.

— Кобыл не сажаем, только извозчиков, — поддержал шутку майор.

Пятиалтынный невесело усмехнулся, затем сникшим голосом спросил:

— Что ж получается, гражданин начальник? Четвертый раз меня берете. Выходит, не мое это, в смысле, воровать? Завязать бы мне, что скажете?

До чего же искренне и проникновенно говорит, не произнеся ни единого слова правды! Талантище! Бурцев был готов аплодировать стоя, но ерничать не стал. Сделал серьезное лицо и без намека на сарказм предложил:

— Идея превосходная, Геннадий Семенович. Завязывайте, вот и нам работы поменьше будет.

Не меняя надломленного голоса, Пятиалтынный ударился в знакомое майору покаяние:

— Сам не знаю, что на меня нашло. Руки не слушались, ровно не мои были в тот момент. Прямо-таки потянулись и взяли. Наваждение какое-то и помутнение рассудка. Не хотел стащить, а стащил

я эту проклятущую краску. Все было как вы рассказали, словно подглядывали за мной.

Кража произошла позавчера, в понедельник, седьмого сентября 1953 года, из магазина лакокрасочных товаров. Продавец обнаружил пропажу двух полулитровых банок. Никто ничего не видел, только некая особо бдительная бабка описала приметы подозрительного, по ее словам, молодчика, который крутился около магазина. Показаниям старушек майор доверял редко. Наблюдательность бабушек избирательна, вдобавок подозрительными они считают совершенно не того, кого надо, чаще всего тыкая пальцем в порядочных людей, а отпетых плутов и проходимцев не видя в упор. Однако на сей раз приметы по описанию полностью совпали с небезызвестным в столице шалапутом Генкой Демьяновым, отчего угрозыск выдал ориентировку на Пятиалтынного, и в течение следующего дня шли поиски рецидивиста.

К поискам подключили в том числе опергруппу Бурцева, хоть он из отдела по раскрытию убийств в четвертом отделении МУРа. Но отдел краж и грабежей был завален работой по уши, а вот новых убийств в течение последних двух недель в Москве не было, так что начальство посчитало полезным задействовать относительно свободную команду. Ситуация штатная, а неприкосновенным в МУРе был лишь отдел по особо тяжким преступлениям.

Задержание Демьянова проблем не доставило. В общежитии, где он проживал, его не оказалось. Тогда оперативники отправились проверять несколько адресов, по которым обычно видели Пятиалтынного, и группе Бурцева повезло.

— Куда ворованные белила дели? — продолжал допрос майор.

— На базаре продал.

— Кому?

— Бабе одной да мужичку какому-то. Внешности не запомнил, не обессудьте. Не приглядывался как-то.

— И что же, они ничего не заподозрили, вопросов не задавали?

— Да какие могут быть вопросы на базаре-то?! Хотя вру... — Он завел глаза под лоб, припоминая события. — Мужичок один, деловитый такой, был. Спросил, от магазина я торгую или напрямую со склада. Я ему соврал, что личные запасы распродаю. Дескать, после ремонта лишняя краска осталась. Он мои слова проглотил, других вопросов не задавал, рассчитался да потопал себе.

Сейчас Генка не обманывал, в игры не играл. Его показания неизменно верны. Что знает и помнит, сообщит без утайки. Хотя бы в этом Демьянов проявлял здравомыслие, отчего работать с ним было приятно. До некоторой степени Пятиалтынный даже нравился майору Бурцеву. Впрочем, Олег

Васильевич руководствовался правилом «доверяй, но проверяй», поэтому не торопился сворачивать допрос и выведывал дальнейшие подробности.

— Много выручили? — спросил он.

При обыске в комнате и в личных вещах Демьянова была обнаружена смехотворная сумма — рубль одной купюрой и восемьдесят пять копеек мелочью. Больших денег Генка никогда в карманах не держал, о кубышке и вовсе слыхом не слыхивал, объясняя это неумением экономить. «Не бережливый я, монету сразу спускаю», — по заведенной традиции сетовал Пятиалтынный. Так что невеликие «накопления» Бурцева нисколько не удивили. Настораживало кое-что другое — количество мелочи. Одна банка белил стоила в магазине девяносто копеек — вряд ли с рук ее продашь намного дороже. Взяли вора под белы рученьки непосредственно в день продажи краски, то есть оперативники должны были найти у него выручку — рубль восемьдесят, причем мелочью, без банкнот, поскольку покупателей было двое. Откуда же в вещах Демьянова образовались 1 рубль 85 копеек?

Казалось бы, загадка выеденного яйца не стоит, явно не тянет на финансовую махинацию. Мало ли чего продавал и покупал Демьянов до и после «сделки» с краденными белилами. Вроде бы и нечего муровцу на подобную чепуху внимание обра-

щать и время тратить, но странность чем-то зацепила Бурцева.

— По восемьдесят пять каждую сбыл, — сказал Демьянов. — На ситчик копил. С девчонкой хорошенькой познакомился, думал приударить за ней, и захотелось отрез за семь рубчиков подарить. Девицы на такие штучки падки. Да не устоял я, сегодня почти все на пивко спустил. Копить — это не мое, — развел он руками.

Вроде бы странность получила логическое объяснение, дебет сошелся с кредитом. К слову сказать, когда Пятиалтынного отыскали на квартире приятеля, от Генки исходило специфическое амбре, а на столе и под столом, за которым «заседали» дружки, стояли нестройные ряды пивных бутылок. Выходит, версия подтверждается.

— Эх, Демьянов, Демьянов! Приударить он хотел, видите ли, — недовольно произнес майор. — В ваши годы мужики уже семьями обзаводятся, детей в школу отправляют, а у вас жизнь вон какая нескладная. Ни отношений с женщиной нет нормальных, ни работы. За ум взяться пора.

Бурцев не принадлежал к числу тех, кто умел говорить красиво и вдохновенно. И хотелось бы иной раз произнести пылкую речь, чтобы наставить уголовника на путь правильный, что называется, да природа не вложила в натуру скупого на слова майора такого дара. Но сейчас что-то в голове Олега Васи-

льевича щелкнуло, и изо рта вырвались нетипичные увещевания:

— Слышь, Геннадий Семенович, не податься ли тебе в речники? Работа честная, достойная, уважаемая. И женщинам матросики нравятся. Будешь свою барышню по Москве-реке катать, так и ситчик не понадобится.

Майор был доволен собой. Обычно он или вовсе обходился без нотаций, или не терпящим возражений тоном указывал: «Топай на завод работать, тунеядец!» Зря, пожалуй. В преступном мире слово «завод» вызывает стойкое отторжение, заводские работяги считаются среди ворья людьми третьего сорта. А тут почему-то решился на пламенное выступление. Видимо, откровенность вора побудила майора отнестись к преступнику с участием. Понял он, что если берешься агитировать за честный труд, так уж предлагай профессии рангом повыше. Скажем, крановщика, геолога или тех же речников.

Быть может, повлиял отчасти и собственный выбор Олега Васильевича. Он-то хоть и из семьи заводских рабочих, коренных москвичей, но по стопам родителей не пошел, вместо этого работал на разных стройках, пока волею судеб в 1935-м не оказался в НКВД, где начинал практикантом-дактилоскопистом, а оттуда попал в угрозыск.

В глазах Генки блеснула и тотчас потухла искорка. Губы расплылись было в широкой улыбке, одна-

ко она быстро сузилась, и в ней скользнуло нечто гаденькое. Надо же, подействовало, зацепило его на какую-то секунду. Но одними убеждениями не сломать, не переделать вора. Сросся Демьянов со своей воровской долей, не хочет и не видит иной судьбы. Менять жизнь для него сродни пытке, все равно что шкуру сдирать заживо, потому как именно в шкуру глубоко-глубоко вросли уголовные повадки. Смолоду такого в матросы надо было направить, тогда бы он загорелся идеей, пожелал другой путь. А сейчас, когда лет под тридцать, человека уже не изменишь. Перевоспитание — процесс безумно долгий и сложный, одного разговора в отделении уголовного розыска недостаточно.

* * *

Поработать с Демьяновым не дали, начальство вызвало. Пришлось перепоручить Пятиалтынного помощнику — старшему лейтенанту Жегунову, чтобы записал признание и завершил процедуру оформления. Сам же Бурцев уже через пять минут стоял в кабинете генерал-лейтенанта Жемчужного, начальника оперативного отдела по раскрытию убийств.

К Жемчужному все в отделе испытывали глубокое уважение. Впечатлял трудовой путь этого человека. Иван Семенович родился в семье шахтера

на Ольго-Воровском руднике, что в Луганской области, которая в ту дооктябрьскую пору называлась Екатеринославской губернией. С юных лет работал на руднике — сначала откатчиком, затем молотобойцем, пока в 1920 году, девятнадцати лет от роду, не вступил добровольцем в Красную Армию. Когда белых разбили, думал вернуться на шахту, но задержался на службе, а в 1924 году его направили в Луганскую окружную милицию. Здесь он дослужился до поста начальника отделения, после чего, в году где-то 1939-м, был переведен в МУР.

Знатная биография, чего и говорить. Трудно возражать такому человеку, да и не хочется с ним спорить. А спорить приходилось. Группе Бурцева вновь поручали нелепое дело. Нельзя же так, по справедливости надо!

Что значит «по справедливости»? Это когда дела по степени важности распределяются между группами одинаково, то есть каждая получает примерно равное число дел важных и незначительных. Кража двух банок краски, например, — пустячок. Кража грузовика краски — большая, настоящая работа. Если же какой-то одной группе сваливают вот такие «детские забавы», а серьезные задания поручают другим, то это нечестно. Во-первых, таланты оперативников не раскрываются и чахнут втуне. Во-вторых, не видать оперативникам в перспективе ни званий, ни элементарной благодарности.

Совершенная Демьяновым кража — это третье по счету смехотворное дельце у группы Олега Васильевича. Перед Генкой Пятиалтынным был Виктор Львов, горький пьяница, в криминальной среде известный под недвусмысленным погонялом Тютя-Витютя — сразу ясно, какого пошиба человечек и чем промышляет. До Львова была птица высокого полета — опытный щипач Федор Зубков. Мастер — золотые руки, взять такого по-своему почетно, однако возвращенный владелице кошелек не давал масштаба, которым должен заниматься отдел убийств.

Кажется, все дела, которые выеденного яйца не стоят, начальство собирается повесить на команду Бурцева. Досадно...

— Иван Семенович, нам бы чего-нибудь посложнее, поинтереснее! — с легким нажимом клянчил Олег. — Ребята мои вконец затухли на мелочевке.

— Какая тебе, бисов сын, мелочевка? — рассердился генерал. — Человека убили!

— Понимаю, большая беда. Так ведь сами же говорите, что убийство случайное, даже кражи не произошло. Сопляки какие-то хулиганили и ненароком деда пырнули. Блатнякам подражать хотели паршивцы. Пусть другая группа их ищет.

Генерал собирался поручить команде Бурова расследовать убийство старого сторожа Ивана Пафнутьевича Нефедова, погибшего при попытке ограбления склада «Стальбаза» в Пятом Летнем пе-

реулке. Со склада ничего не пропало по той простой причине, что ничего ценного и не имелось — там хранился металлолом. Собирали лом с нескольких объектов, затем везли на переплавку.

Опытный уголовник не польстился бы на кучу ржавых железяк и уж тем более не пошел бы на убийство ради этакого хлама. Наверняка действовали малолетние хулиганы, которых пленила воровская «романтика». Полным-полно сейчас тех, кто в дань моде «из напильников сделал ножи». Десять лет назад их старшие братья и сестры у станков реками пота обливались, а эти юные бездельники ищут острых ощущений. Ради куража взломали двери на склад — и ноги в руки: больше там делать нечего. Доказали себе, что могут напакостничать. Но, как на грех, пареньки наткнулись на сторожа и из-за страха быть задержанными пырнули старика ножом. Наверняка непредумышленно, просто желая попугать. Бурцев в этом убежден, генерал в этом убежден. Любого в МУРе спроси — согласится.

Теперь перепуганные юнцы притихнут и вряд ли попробуют повторить свою выходку. Сомнительно, что кто-то из них сознается. Пожалуй, они в таком состоянии, что считают, будто дед выжил. Майор с подобным поведением сталкивался. Совершив убийство, неопытный преступник так испуган своим деянием, что отказывается верить в смерть жертвы, внушает себе, что убитый всего лишь ра-

нен и непременно выкарабкается. На искажение воспоминаний влияет и то, что разглядывать смертельно раненного обычно некогда, преступник опрометью убегает от того, кого пырнул ножом.

Кто-то, возможно, вздохнет спокойно, если сказать ему, что эти парни после пережитого баловать не станут, будут вести себя тише воды ниже травы. Сотрудники МУРа к числу «вздохнувших» никаким боком не относятся. Напротив, для угрозыска это означает появление «глухаря» — дела, которое никогда не раскрыть.

Что имеем в сухом остатке? Кражи не было, лишь хулиганство, повлекшее смерть по неосторожности. Виновных установить вряд ли удастся. Не дело, а недоразумение какое-то! За группой Бурцева закрепится репутация тех, кому можно спихнуть самую неприглядную работенку. Его ребятки год в таком режиме поработают, и больше им никто нормального расследования уже не доверит. Скажут, мол, вам только банки с краской искать.

С какими глазами прикажете к своей команде возвращаться? Они и так попеняли Бурцеву: «А если у карапуза в детсаду пуговица на штанах оторвется, тоже нас позовут?»

Оттого и крутился Олег Васильевич перед генералом. То с одного боку подойдет, то с другого, какие только аргументы не приводил! Намекал, что группа Зубащенко чересчур часто получает хоро-